

Копипаста:Срееру:Мясорубщик — Lurkmore

Водитель автобуса затормозил, подъезжая к остановке. Женя устало поднялась с места и пристроилась у задней двери, держась за поручень. В открытую форточку ворвался холодный ветерок. Не весна, а сплошное недоразумение.

Сквозь забрызганные стекла был виден квартал: однотипные восьмизэтажки, такие же серые и угрюмые, как нынешний апрель. За свои двадцать два года Женя так и не привыкла к этому ландшафту, хуже того - он раздражал ее всё сильнее. А в последние дни ей просто не хотелось возвращаться домой.

Ей было страшно.

Путь, который она проделывала в двух направлениях - утром и вечером - лежал через две детские площадки, мимо расселенного дома - "коробки", вдоль безобразно разросшихся кустов. По утрам еще ничего - Женя не успевала проснуться настолько, чтобы на нее подействовала гнетущая атмосфера. И то... казалось, что ночующий во дворах кошмар медленно расползается с первыми лучами рассвета, оставляя не видимые глазом, но осязаемые «шестым чувством» следы. А вот вечером... вечером было попросту жутко. Что-то приближалось к домам издалека.

Кошмар возвращался к ночи.

Автобус уже уехал, а Женя всё не решалась войти в квартал. Комкая в ладони магнитную карточку «на одну поездку», она думала о том, что карточка сейчас напоминает лицо Сергея Павлишина, когда он приезжает с работы. Человек он неплохой, но бизнес - не его стихия. Ему бы сидеть в проектном бюро с чертежами, а не крутиться по двенадцать часов в сутки, как белка в колесе: налоговая, сан.инспекция, клиенты, сотрудники, «крыша»... Вот что бывает, если жертвуешь собой во благо семьи. Вернее, во благо двоих детей - с женой Павлишин развёлся несколько лет назад. Открыл фирму, выворачивается наизнанку, зато у детей всё есть, даже няня, которая целый день крутится вокруг них не хуже, чем Павлишин со своим бизнесом.

Если ты закончила школу с отличием, но не поступила в институт, потому что места там раскуплены заранее, и заработать на жизнь можно только присматривая за чужими детьми (всё лучше, чем торговать на рынке), что ты будешь делать? Писать жалобы в министерство образования, мэру и президенту заодно? Правильно. Будешь присматривать за детьми. Когда по характеру ты флегматичная реалистка - твоя психика при этом особо не пострадает.

Почему же весь ее флегматичный реализм мигом улетучивается, стоит только сойти вечером с автобуса на шоссе Петля?

Женя торопливо шла к дому, безуспешно пытаясь определить природу своего страха. Она точно не боялась местных алкашей и хулиганов. Местных она почти всех знала с детства, а после Юрочки и Танечки Павлишиных они были просто пай-мальчиками. Нет, здесь что-то другое... Неясное и необъяснимое, но от этого не менее злое.

Как же сегодня холодно на улице.

В маленькой квартире закипающий чайник побулькивает по-особенному уютно. Женя переоделась в теплый халат и уже предвкушала чашку горячего чая. Она не могла согреться с того момента, как в форточку автобуса задуло сквозняком. По телевизору шла очередная серия «мыльной оперы» - в качестве фона сойдет.

В дверь позвонили, а затем, словно сомневаясь в эффективности звонка, застучали кулаком. Вздрогнув, Женя подошла к двери и заглянула в глазок. На лестничной площадке виднелась Ксюха Коваленко из соседней квартиры.

- Женя, Женюсик, киса-а-а! - позвала Ксюха. При этом она приблизилась вплотную к глазку со своей стороны. Стекло сразу же запотело. Ксюха всегда так делала - почему-то ей казалось, что, если говорить в глазок, будет лучше слышно. - Женьк, ну открой, ну дело до тебя есть.

Женя приоткрыла дверь.

- Привет, Ксень. Чего хотела? - тихо спросила девушка через порог

- Котёнок, одолжи старой больной женщине стельник на лекарство, будь умничкой!

С этой просьбой Коваленко являлась к Жене регулярно, раз в три-четыре дня. Под «лекарством» подразумевалось, как правило, пиво - других лекарств Ксюха не признавала, разве когда ее принудительно выводили из запоев. Когда Женя еще училась в десятом классе, Ксюха приехала в Москву из Мариуполя и устроилась на работу в ресторан - петь блатные песни. Потом ее выгнали за пьянство и Ксюха пела теперь в квартире, доводя до белого каления всех жильцов. Источником ее доходов служили бесчисленные мужчины, которых она по очереди селила у себя на неделю-полторы. Мужики попадались разные - кто покупал выпивку с закуской, кто подкидывал Ксюхе денег на шмотки, а один сделал просто

космически дорогой подарок – установил ей на кухне электрическую плиту. Правда, Женя, в отличие от подавляющего большинства, проституткой Ксюху не считала – мужской пол был ее страстью, второй по счету (на первом месте – алкоголь).

Видя, что Женя колеблется, Ксюха усилила нажим:

- Ну, Женюсечка, ну ладно тебе, ну я отдам – ты ж знаешь!

Женя знала. Не отдаст. Доказано опытом и неоднократно.

Экс-певичка дышала таким перегаром, что Женя сама чуть не захмелела. Отделаться тут можно только одним беспроигрышным способом – стольником. Достав из сумочки кошелек, Женя молча вручила Коваленко «пособие».

- От спасибочки! – Ксюха схватила купюру и быстро сунула ее в карман. – Добрая ты девочка, Женька, шоб у тебя всё было и тебе за это ничего не было! Всё, Ксения пошла за лекарствами... - Ксюха пошатнулась и уперлась о стену.

- Ага, выпей и за моё здоровье тоже.

- Женюси-и-и-и-к, - с укоризной протянула Ксюха, сложив губки бантиком. – О, слушай, хотела спросить...

- Тысячу займы не дам, - быстро сказала Женя.

- Да не, я не про то... Женьк, а у тебя чё – мальчик появился? Да такой понтовый еще, как зовут хоть?

- Что за мальчик? – Женя нахмурилась. С «мальчиком» она в последний раз встречалась года полтора назад – не до них.

- Ну, эт-та-а, от остановки с тобой шел. Ну, не с тобой, а сзади чуть. Но за тобой. Я еще подумала – опаньки, Женька с ухажером поругалась...

- Ксень, глюки у тебя очередные! Нету у меня никаких ухажеров.

- Да как нету, он во дворе до сих пор торчит. Тебя, небось, дожидается... Ну ладно, лапутька, пока-пока!

Женя поспешно захлопнула дверь и повернула ключ в замке. Выключив чайник, подошла к окну, отдернула занавеску и выглянула вниз.

Во дворе, прислонившись к гаражу-«ракушке», стоял незнакомый мужчина. Скрестив на груди мускулистые руки, он бесстрастно смотрел прямо перед собой. Одет он был как-то очень уж по-летнему: широкие клетчатые брюки и кроссовки дополняла рубашка с коротким рукавом. Черты лица скрадывала тень, отбрасываемая козырьком надвинутой на лоб серой кепки.

Женя пожала плечами. Она была уверена, что этот человек не шел вместе с ней от остановки. По дороге она несколько раз оборачивалась и никого сзади не видела. Ксюха просто заметила чужого мужика, а всё остальное придумала. Она вообще из тех людей, которые, узнав о наступлении конца света, посвятят этой новости минутку-другую, а потом вернуться к самому актуальному, при этом безбожно фантазируя: кто, когда, с кем и в какой позе.

Луч заходящего солнца скользнул по затененному лицу незнакомца, и его глаза блеснули мраморно-белым. Тихо вскрикнув, девушка попятилась от окна.

•   ○
■

...Самый первый страшный сон Женя увидела, когда ей было пять лет. Ей снилось, что она выходит в узкий коридор их квартиры, а в другом его конце – всего-то в четырех шагах! – виднеется фигура в белой простыне. Сначала Женя думает, что это кто-то из родителей решил ее поугагать, но по контурам простыни вдруг понимает – она наброшена на безголовое тело. В следующий миг Женю захлестнула волна холодного ужаса – она находится ОДНА дома, и кроме нее здесь только труп без головы в наброшенной на плечи простыне. Девочка проснулась с криком.

Проснулись и родители, и бабушка. Женя плакала навзрыд; мама гладила ее и утешала, говорила, что никакой фигуры в белой простыне не было, но Женя не сомневалась – она БЫЛА, она спряталась на кухне. Лишь когда отец прошелся по квартире, включая везде свет, девочка немного успокоилась.

- Mamочка, но если ее не было, почему она мне приснилась? – всхлипывая, спросила Женя.

- Понимаешь, милая, сны – это всего лишь сны. То, что ты видишь во сне – это не по-настоящему. На самом деле этого нет. Ты просто устала за день, вот тебе и мерещится всякая бяка-страшняка. А мы ее прогоним! - ласковая улыбка играла на лице матери

- Уже прогнали, - подтвердил отец. И только бабушка, сурово поджав губы, изрекла:

- Если видишь страшный сон, это значит – где-то рядом происходит что-то страшное.

От этих слов Женя снова расплакалась.

- Зачем ты такое говоришь ребенку?! – воскликнула мама, прижимая девочку к себе

- Она должна знать, - отрезала бабушка. - Пусть она не думает, что сны – не по-настоящему. Пусть поймет это, пока маленькая – потом поздно будет.

Родители тогда здорово ругались на бабушку, но та была непреклонна. Правда, девочка так и не поняла «это» - впрочем, даже став старше, она не всегда понимала, о чем говорит бабушка. Но на следующий день, из разговоров родителей, она узнала, что ночью, примерно в то самое время, когда она увидела свой кошмар, неподалеку от дома их сосед – сильно пьяный – пересекая железнодорожную насыпь, попал под электричку. Безголовый труп упал по одну сторону насыпи, а голову долго искали в репейнике с другой стороны (соседи перешептывались, что ее так и не нашли).

...Женя готовила ужин для своих подопечных, пытаюсь при этом следить за резвящимися вовсю Танечкой и Юрочкой – аттракцион, против которого ее истрепанные нервы возражали чуть ли не в голос. Когда через полчаса появился Павлишин-старший, Женя уже изнемогала от их «невинных» шалостей.

- Как у вас тут сегодня, Евгения? – спросил Сергей.

- Да нормально вроде... Танюха что-то с утра закапризничала, есть не хотела. Но обедала с аппетитом.

- Вот и славно, - судя по всему, мыслями Сергей был еще в офисе. – Ужин вы сделали? Я покормлю их сам. Можете двигать домой, а завтра будет денежка. Я вам, наверное, тысячи две накину, а то совсем вы с нами замучались...

- Да ладно, - вздохнула девушка. – Подумаешь... Хотя, нет, две тысячи – это хорошо. Это приятно. Накидывайте, я не против.

- В июне я их на юга повезу, - сообщил Сергей, стягивая с себя пиджак, - отдохнете пару неделек. А к осени у меня вакансия может появиться... черт, придется тогда вам на замену кого-то искать.

- Ну, до осени еще далеко, - обнадежила его Женя. – Ладно, спокойной ночи. Поеду домой.

- Езжайте. Что-то вы бледная какая сегодня. Не болеете?

- Спала плохо, - пробормотала Женя. – Таня, Юрик! Пока-пока! Ведите себя хорошо.

- А мы всегда себя хорошо ведем с папой, - отозвалась маленькая вредина Танюха.

От станции метро до Жениной остановки автобус едет почти полчаса, а если не повезёт с пробками – то и все сорок минут. Но, по мере удаления от метро, светофоров всё меньше, а дорога всё свободнее. Пассажиров обычно по пальцам пересчитать можно – будто маршрут проходит через такую глушь, где никто и не живет. Одно хорошо – сидячих мест сколько угодно.

Поставив на колени сумочку, девушка смотрела в окно и пыталась считать повороты, но вскоре мысли ее сами собой вернулись к бабушке.

...После того случая родители старались не оставлять Женю с бабушкой одну. Но чем больше старались, тем хуже это у них получалось. Как по закону подлости, оба не вылезали из авралов на работе, и девочка частенько проводила с бабушкой сутки напролет. Бабушку она здорово побаивалась, а мама и папа испытывали, видимо, похожие чувства – во всяком случае, они относились к суровой пожилой женщине довольно настороженно. Ради справедливости надо сказать, что, заполучая в свои руки внучку, бабушка была именно бабушкой – собирала Женю в детский садик, потом – в школу, ворчала, что надо застегиваться и «шею-то, шею шарфом обмотай!». Правда, за пятерки не хвалила, но и за двойки не ругала, лишь однажды обронила вскользь: «Кто не хочет учиться, тот живет недолго, а умирает страшно». Только через несколько лет Женя догадалась, что бабушка, должно быть, имела в виду кого-то из своих знакомых, но в тот момент, эта тяжелая фраза возымела магическое действие: к концу четверти Женя получала только «хорошо» и «отлично».

Строго говоря, она сумела привить Жене лучшие качества своего характера: уверенность в собственных силах и готовность справляться с проблемами. Но, спокойствие и собранность – не единственное, чем поделилась с ней бабушка.

Однажды, когда она уложила девочку спать, кто-то позвонил в дверь. Была уже ночь; родители за час до этого по очереди сообщили, что остаются на переработку. Услышав звонок, Женя вскочила с постели и бросилась открывать, надеясь, что всё-таки они вернулись. Но до двери добежать не успела: бабушка совершенно бесшумно догнала ее и положила ей руку на плечо. Поднесла палец к губам и сказала:

- Тихо.

Девочка застыла – глядя на бабушку, на ее сосредоточенное лицо, она вдруг поняла: что-то может случиться. Всё также бесшумно бабушка подошла к двери и прижалась к ней ухом. Звонок не повторился, потом слышались удаляющиеся шаги. Лишь тогда бабушка жестом велела внучке возвращаться в постель, а через пару минут зашла проверить, легла ли та спать.

- Бабуль, а кто это был? – дрожащим голосом спросила Женя.

- Кто бы это ни был, - сказала бабушка, - запомни раз и навсегда: нельзя открывать дверь тем, кто звонит ночью. Мать с отцом на дежурстве, и тебе это известно. Откроешь – а за дверью...

- Кто? – глаза внучки расширились от ужаса, она сразу пожалела, что задала этот вопрос.

- Мясорубчик, - коротко ответила бабушка. Секунду-другую она, видимо, решала, стоит ли посвящать внучку в подробности, но потом продолжила. – Он приходит по ночам к тем, кто готов открыть свою дверь чужому. Если его впускают, он съедает хозяев живьем. – Бабушка помолчала еще немного и добавила: - Делает так, чтобы они не могли двигаться, вырезает куски мяса и ест, - Женя уже тихо скулила, зарывшись под одеяло, но бабушка вдруг с несвойственной нежностью коснулась ее плеча. – Обещай мне, что никогда не откроешь дверь Мясорубчику.

- Никогда, бабушка, - ответила Женя, не высываясь из-под одеяла. – Никогда, я тебе обещаю.

- Хорошо. А теперь спи.

На следующий день бабушка, не упоминая о ночном визите, потребовала, чтобы отец вызвал мастера – врезать в дверь глазок. Отец выполнил требование, не спрашивая объяснений, но вечером Женя услышала, как он перешептывается с мамой: «Забеспокоилась бабка-то... видать, кто-то ночью приходил»... «Да мало ли, кто тут ночью ходит»....

Но сейчас, задним числом, Женя понимала – ночное посещение было каким-то странным. Ополцево – район довольно маргинальный, в двери здесь ломаются часто: пьяные соседи, местная шпана, не знающая, куда приложить свои силы... Только в том-то всё и дело, что никто к ним в дверь не ломился. Один звонок... безмолвное ожидание... и звук удаляющихся шагов.

Кто же это был и зачем он пришел?

Девушка подозревала, что бабушке было известно, КТО и ЗАЧЕМ. Бабушка вообще знала что-то такое, чего не знали другие. Но она никогда не говорила об этом прямо, ограничивалась мрачными намеками и зловещими недомолвками. Она вовсе не была жестокой и не находила удовольствия в том, чтобы запугивать внучку, определив для нее лишь необходимый минимум... некоей информации.

•   ○
■

Женя так ушла в свои воспоминания, что перестала следить за дорогой. Встряхнув головой, она снова взглянула в окно; сбрасывая скорость, автобус катился вдоль длинного пригорка, возвышавшегося над дорогой. Зимой мальчишки, невзирая на запреты взрослых, катались здесь на санках, и дело не обходилось без двух-трех смертных случаев за сезон. До остановки оставалось метров триста, когда Женя заметила на обочине у подножья склона странно знакомую фигуру.

Фигура осталась далеко сзади, а Женя ощутила, как по коже пробежал озноб. Это был тот самый мужчина в кепке, которого она видела вчера в окно. Что он здесь, черт возьми, забыл? Может быть, он просто недавно переехал в одну из восьмизэтажек... допустим, снял квартиру? И теперь просто гуляет по окрестностям для вечернего моциона?

Возможно, но маловероятно. В таком случае Ксюха уже должна была знать, кто это такой и как его зовут. Нет. Что-то подсказывало Жене, что мужчина – не местный.

Соскочив с подножки, Девушка почти бегом бросилась в квартал. Добравшись до расселенного дома, она остановилась, переводя дыхание. В школе она получала пятерки по физкультуре, но после выпускных экзаменов не тренировалась – времени не хватало. Женя оглянулась – позади на дороге никого не было. Что и неудивительно – даже если мужчина в серой кепке идет сюда, их разделяет почти полкилометра. Уже спокойнее она двинулась дальше.

Идя через двор, она миновала стол, за которым компания рабочих «забывала козла». На земле валялись пустые бутылки из-под дешевого пива. Один из игроков громко выругался матом; Женя вздрогнула от звука его голоса.

- Дьявол, совсем нервы никакие стали! - подумала она. Невольно ей вспомнилось, что, когда бабушка проходила мимо тусующихся с магнитофонами и выпивкой старшеклассников, громкие разговоры и дебильный хохот мигом смолкали, а взгляды опускались к асфальту.

Из подъезда, навстречу девушке, походкой подгулявшей примадонны выплыла Коваленко.

- Привет, - уныло кивнула ей Женя.

- Привет, Женькин! - Ксюха изловчилась и чмокнула ее в щеку, чего Женя органически не переваривала, и громким шепотом осведомилась - На пиво есть?

- Нет. - твёрдо ответила она

- Вот никогда у тебя нет на пиво, - возмутилась Ксюха. Вчерашняя субсидия, видимо, успела вылететь у нее из головы.

Задев Женю локтем, она направилась к ларьку. Стирая со щеки красную помаду, Женя вошла в подъезд и вызвала лифт. Неожиданно ей захотелось выкурить пару сигарет. Обычно Женя курила только под настроение, так вот сейчас настроение у нее было как раз то.

Потянув на себя подъездную дверь, девушка натолкнулась на порыв ледяного ветра, растрепавший ее волосы. Пытаясь привести челку в нормальное состояние, Женя, не глядя по сторонам, шагнула на улицу, но тут же остановилась, услышав рядом чьи-то голоса. Это предупреждение, мелькнула у нее мысль. Вчера было то же самое. Холодный сквозняк в форточку автобуса - а потом появился этот человек. Даже не поворачивая головы, Женя уже заранее знала - неподалеку от нее стоит Ксюха Коваленко. За спиной Ксюхи того, с кем она разговаривает, не видно: Ксюха - барышня в теле. Но если пройти чуть вперед - Женя так и сделала - можно увидеть короткий рукав летней рубашки, клетчатую брючину и... Вот и лицо. Оно снова в тени - наверное, мужчина специально надвигает так низко свою кепку. Ксюха не замечает Женю, а вот незнакомец слегка подается вбок, бросая взгляд над плечом Коваленко. Он понял, что за ним наблюдают. Глаза его жутко вспыхивают мраморно-белым.

- Господи, неужели она ЭТОГО не видит?! - подумала Женя, быстро отворачиваясь.

Она провела на улице еще целый час, выкурив вместо двух сигарет почти половину пачки. Когда она подходила к подъезду, Ксюхи и ее странного нового знакомого там не было. Но, выходя из лифта, Женя увидела, что дверь Ксюхиной квартиры чуть приоткрыта. Значит, Ксюха там - и, скорее всего, не одна. Видимо, они только что вошли - или, наоборот, собираются уходить. Женя юркнула к себе, всей душой не желая столкнуться лицом к лицу с незнакомцем в серой кепке. И только заперев замок и накинув цепочку, девушка поняла - он совсем рядом. За стенкой. И, не исключено, пробудет там всю следующую ночь. Если не дольше.

Потом Ксюхина дверь захлопнулась. Женя заглянула в глазок, но на площадке никого не оказалось. Она прислушалась, но и за стеной было тихо. А ведь обычно, когда Ксюха приводит «гостей», все базары можно слышать, даже заткнув уши. Если она сейчас дома вместе с этим мужиком... то они, похоже, вообще не разговаривают.

На следующий день, получив обещанную прибавку к жалованию (дети у Павлишина, конечно, те еще «цветочки жизни», но своё слово он держит железно), Женя решила отметить это событие скромным дружеским ужином: сама с собой.

Возле метро она заняла очередь в палатку и прикидывала, что бы ей такого взять к курице гриль... может, бутылочку вина и расслабиться, благо, повод есть? Ночь прошла спокойно, Ксюха, видать, прихватила своего кавалера и подалась в кафе «Снежок». Дети вели себя, как и всегда, паршиво, но они умеют и хуже. Женя уже выискивала глазами магазин с винным отделом, когда сзади ее окликнули:

- Женечка, это ты?

Девушка обернулась. Она не сразу узнала в немолодой женщине заведующую районной библиотекой, побившей в последние годы все рекорды непосещаемости. Раньше бабушка частенько заходила туда вместе с Женей, и, пока внучка копошилась у высоких стеллажей, о чем-то негромко разговаривала с этой... Элеонорой Викторовной. Надо думать, они были подругами, хотя Элеонора лет на двадцать моложе. Нет, скорее, знакомыми.

- Это я, - кивнула Женя. - Здравствуйте, Элеонора Викторовна.

- Как у тебя дела?

- Да вроде пока ничего. У вас как?

- Так, по-старому. Сажу целый день со своими книжками, небось, уже все забыли, что у нас библиотека есть, - Элеонора грустно улыбнулась. - Ты домой сейчас едешь?

- Ага. Премия сегодня получила, вот, думаю, не накрыть ли себе поляну на радостях.

Элеонора переложила из руки в руку пакет.

- Может, зайдешь ко мне ненадолго? Чайку попьем, поболтаем... Надо же, сто лет тебя не видела, ты и не изменилась почти.

- А что, идея, - легко согласилась Женя. - Мне... я как раз хочу вас кое о чем поспрашивать. Автобус

только минут через десять будет, давайте пока купим себе коробку конфет.

-
-
-

Элеонора Викторовна налила в чашки горячий чай.

- Тебе с сахаром, Женя?

- Пожалуй... нет, - отказалась та. С таким количеством сладкого недолго всю стройность растерять. Хотя младшие Павлишины и поддерживают ее в тонусе, но всё же злоупотреблять не следует.

Окна библиотекарши выходили во двор; напротив виднелся Женин дом. Во дворе было безлюдно, игроки в «козла» куда-то ушли.

- Так ты хотела со мной о чем-то поговорить? - напомнила Элеонора. В автобусе они общались на отвлеченные темы: цены, погода.

Женя кивнула.

- Элеонора Викторовна, а вы хорошо знали мою бабушку?

- Ну... ее вообще мало кто знал хорошо, дама она была своеобразная, царствие ей небесное. Просто она считала меня своей подругой и почему-то мне доверяла. Впрочем, я никогда не подводила ее.

Жене показалось, что во дворе возникло какое-то движение, но, когда она посмотрела туда, там по-прежнему никого не было.

- Вот как... - сказала Женя, дуя в свою чашку. - Своеобразная? А в чем это выражалось? - и, прежде чем Элеонора успела ответить, выпалила: - Она когда-нибудь рассказывала вам о... Мясорубщике?

Элеонора сложила руки под подбородком и некоторое время молчала, прикрыв глаза.

- Это... какой-то секрет? - смутилась Женя.

- Да нет, какие теперь секреты, - произнесла Элеонора. - Но, знаешь... темная это история с Мясорубщиком. Сразу скажу: я никогда не думала, что у твоей бабушки... не всё в порядке с головой. Но одно время она придерживалась очень странной теории, и, расскажи она об этом кому-то, кроме меня, ее запросто могли упечь в сумасшедший дом.

- Что, бабушка изучала аномальные явления?

- Нет, бабушка... Людмила Ильинична... была следователем прокуратуры. Просто однажды она сама столкнулась с аномальным. Но, задолго до этого, ей поручили установить личность неизвестного, задержанного ночью на окраине Люберец - патрульный принял его за пьяного и доставил в отделение, и только там стало ясно, что этот человек - сумасшедший. При обыске в кармане его пальто обнаружили потрепанную книгу - настолько старую, что она, судя по всему, стоила немалых денег и, возможно, была украдена из какого-то музея. Человека этого поместили в психиатрическую больницу, а твоя бабушка - тогда только начинавшая работать в прокуратуре - выясняла, кто это такой, что с ним случилось, и откуда у него эта книга. Книгу показали эксперту, и он подтвердил, что издание раритетное и очень дорогое, особенно, если найти покупателя из числа зарубежных коллекционеров. Довольно быстро Людмила Ильинична выяснила, что неизвестный - профессор истории Хаткевич, до недавнего времени работавший в одном из московских вузов. Его единственная родственница - двоюродная сестра - показала, что около месяца назад Хаткевич отправился в командировку в Норильск, и на тот момент был совершенно вменяем. Позже в милицию поступило заявление от женщины, сдававшей приезжим комнату в коммуналке - у нее пропал жилец. Получалось, что Хаткевич приехал в Люберецы пригородным автобусом, с чемоданом, собранным для командировки и снял комнату на длительный период. Но вот что он делал в городе и почему соврал своей сестре... - женщина умолкла, а заинтересованная девушка задала очередной вопрос:

- А сам он хоть что-нибудь говорил?

- Самое связанное, что услышала от него твоя бабушка: «Нельзя на них смотреть! Нельзя мешать, когда они готовят себе пищу!». Понять это можно было так, что речь идет о живых мертвецах, причем Хаткевич уверен, что видел их. По заключению психиатра, причиной его сумасшествия стал сильный испуг. «Если они приходят во сне, - говорил Хаткевич, - нельзя стоять к ним лицом! Нельзя, чтобы они запомнили в лицо, потому что тогда они придут! Только в кошмарах мы видим их, а они видят нас, и тогда им известно, куда идти!».

- И что с ним стало потом?

- Ну, потом Хаткевич умер, и дело закрыли, поскольку заявлений о пропаже раритетной книги не поступало. А книгу сдали в спецхран библиотеки МВД, где я, кстати, работала.

- Элеонора Викторовна, так что же это была за книжка? - спросила Женя, беря конфету.

- Она называлась «О природе каннибализма», автор – барон Шварцкап, то есть, как ты понимаешь, напечатана она еще до революции. Мне удалось найти короткую справку: Шварцкап – состоятельный дворянин, много путешествовал, увлекался оккультными науками. Опубликовал сборник собственных статей, но тираж был уничтожен с санкции начальника Охранного отделения – усмотрели крамолу, хотя и не понятно, какую. Должно быть, Хаткевич где-то достал уцелевший или авторский экземпляр. Шварцкап рассматривает обычаи и ритуалы людоедства у диких народов, в том числе и тех, что обитают в северных районах России. Похоже на попытку вычленив из ряда этнических групп некоторые, обладающие, скажем... сверхъестественными способностями, и объяснить такие способности поеданием себе подобных. По просьбе Людмилы Ильиничны я сделала ксерокопии нескольких страниц, посмотри дома, возможно, ты их найдешь. - Элеонора отвечала на вопросы спокойно, с интузиазмом, а Женю это очень заинтересовало:

- Я поищу. Но вы сказали – бабушка сама с чем-то подобным столкнулась. Как это произошло?

В квартире вдруг погас свет. Вздрогнул и замолчал старый холодильник.

- Пробки, что ли? – Женя приподнялась.

Выглянув в окно, Элеонора качнула головой:

- Да нет, похоже, это что-то на подстанции. В соседних домах тоже света нет. Ничего, пока еще не так уж и темно.

- Ладно.

- Так вот, слушай. В декабре восьмидесятого года из Люберец поступило сообщение о жутком двойном убийстве.

Жертвами стали пожилые супруги, проживавшие на окраине города, недалеко от промзоны. Оба имели судимости и состояли на учете в милиции. Производя плановый обход, участковый позвонил им в дверь, никто не открыл, и он решил зайти позже. Придя через два часа, он столкнулся на лестнице с соседкой поднадзорных, которая пожаловалась на ужасный запах из их квартиры – «будто бы что-то сгорело» и «кажется, у них газ потёк». На звонки опять никто не ответил и тогда участковый решил взломать дверь. Мужа и жену он нашел внутри мертвыми: у обоих была вырезана часть внутренних органов, в том числе селезенка и печень... кажется, еще поджелудочная железа. Но дальше начались разногласия между участковым и бригадой медэкспертизы. Эксперты утверждали, что смерть наступила задолго до того, как участковый вскрыл квартиру, с небольшим интервалом: первым погиб муж, примерно через двадцать минут – жена. Однако, по словам участкового и привлеченных им понятых, взломав дверь, они обнаружили, что супруги еще ДВИГАЛИСЬ – бессмысленно, бесцельно бродили по малогабаритке, держась за стены и не обращая внимания на появившихся в квартире людей. От этого зрелища одна из понятых упала в обморок. Обои были перепачканы кровавыми отпечатками ладоней. Источником отвратительного запаха были сковородка и две кастрюли, стоявшие на плите и содержавшие остатки мелко нарубленного и тщательно приготовленного мяса – это и были грубо удаленные у жертв органы. Рядом на столе лежал окровавленный кухонный нож. В квартире также ощутимо пахло газом.

Оперативники быстро опросили жильцов и узнали, что около полудня возле дома был замечен незнакомый человек; двое из опрошенных видели, как он входил в подъезд. По составленному фотороботу был опознан рабочий текстильной фабрики, некто Раскроев; незадолго до убийства он не вышел на смену и с тех пор отсутствовал. Раскроева объявили во всесоюзный розыск, но, как показали дальнейшие события, он находился в Люберецах либо где-то совсем рядом. Потому что в течение следующих двух недель произошло еще восемь таких же убийств – там же, в пределах промышленной зоны. Всякий раз у погибших была вскрыта брюшная полость, отсутствовала часть органов, а на кухнях обнаруживались признаки того, что органы подвергались «готовке», после чего убийца употреблял их в пищу. Странно, что убийства продолжались, несмотря на интенсивные оперативно-розыскные мероприятия при существенном усилении личного состава. Сотрудники милиции между собой называли убийцу-каннибала «Мясорубщик».

- Какая... какой кошмар! – вырвалось у Жени. Ее передернуло.

- Да, все считали это кошмаром. Людмилу Ильиничну серьезно беспокоило, при каких обстоятельствах убийца пристрастился к поеданию человеческого мяса, и – здесь ее просто отказывались понимать – не привело ли это к морфологическим изменениям организма. Она не очень-то распространялась по поводу своих соображений, но как-то упомянула, что изменения могли пойти не только на уровне биологии. Похоже, она здорово запуталась с этим расследованием. Формально она курировала розыски Раскроева, но неоднократно докладывала начальству, что ищут они, возможно, кого-то совсем другого. В конце концов, ей дали добро на отработку других версий, но она тут же потребовала, чтобы по Раскроеву было заведено отдельное дело.

- Что такого необычного в этом Раскроеве? – спросила Женя, отхлебнув остывший чай.

- Да всё необычно. Он служил в армии, в танковых войсках. Во время штабных учений танк его взорвался. Экипаж сгорел до... прости меня, до головешек. Что осталось, собрали в цинковые коробки и отправили родителям с припиской: ваш сын, дескать, погиб при исполнении воинского долга. На этом всё как будто

должно было закончиться, если бы вскоре Раскроев не появился дома, в Люберцах – день в день, когда должен был вернуться из армии.

- Как это? – изумилась Женя.

- Ну, как – я не знаю. Родители его успели умереть – не выдержали горя – но якобы его видели бывшие друзья. Своё «воскресение» он всем объяснял по-разному. Кому-то сказал, что на самом деле его перепутали с другим человеком, и в танке погиб не он. Кому-то – что травмы и ожоги оказались не такими уж серьезными. В общем, даже если собрать вместе всё, что он наплёл, всё равно непонятно, что же там было в действительности.

Людмила Ильинична запросила документы в отделе кадров текстильной фабрики. Трудовую книжку завели на имя Андрея Раскроева, причем на основании военного билета – паспорта у Раскроева не было. Он его потерял, но из-за нехватки работников директор в виде исключения дал ему время восстановить паспорт. Но сам военный билет был явно поддельным.

- Явно поддельным? – переспросила Женя. – Как же тогда его приняли в отделе кадров?

- Явно и неявно... – поправила Элеонора Викторовна. – На первый взгляд, билет был подлинный. Людмила Ильинична мне потом говорила – рассматриваю его и понять не могу, что ж в нём не так?! И вдруг увидела – текст на печати отражен зеркально, задом наперед.

- Кому и зачем понадобилось таким образом документ подделывать?

- Именно. Кому и зачем? В голове не укладывается – зачем? Людмила Ильинична была человеком с сильной интуицией. Она уже тогда для себя решила – тут не афера, не просто подделка документов. Что-то похуже.

Дальше всё стало еще непонятнее. В военкомате, естественно, военного билета за таким номером никогда не выдавали, кроме того, там имелись совершенно точные данные, что Андрей Раскроев на самом деле погиб во время маневров. Но Людмила Ильинична добралась до командира части, где проходил службу Раскроев, и он в конце концов нехотя признался: может быть, не наверняка, но ВОЗМОЖНО, что сержанта Раскроева во взорвавшемся танке не было. Почему он так считает, командир не сказал. ЧП расследовали особысты, результаты они засекретили, а всем свидетелям, включая, кстати, и представителей генштаба, было строго-настрого предписано факт инцидента не разглашать. Всё это Людмила Ильинична изложила начальству, но ей поставили на вид, что она слишком свободно интерпретирует простые факты, и предупредили о служебном несоответствии. Тогда она продемонстрировала военный билет Раскроева с «зеркальной» печатью, и ее чуть не обвинили в фальсификации...

- Выглядит так, – задумчиво сказала Женя, – словно кто-то очень не хотел, чтобы Раскроевым занимались вплотную. Кому-то УЖЕ что-то было о нем известно...

- Вот-вот, – закивала Элеонора. – Твоя бабушка говорила то же самое. Когда ее всё-таки отстранили от следствия, она впервые сказала мне, что Мясорубщик, по ее мнению, не человек. И еще – что все его жертвы страдали расстройством сна и нередко будили своих соседей, потому что во сне кричали. К этим крикам успели настолько привыкнуть, что просто не обратили на них внимания в моменты совершения убийств. Кроме того, во сне они видели одно и то же...

- Очень похоже на бабушку! – не сдержалась Женя. – Это – так, потому что вот это – вот так. И без объяснений.

- Верно, но ей ведь приходилось осторожничать – даже те, кто будто бы наблюдал НЛО, порой оказывались на лечении под присмотром комитетчиков, а Людмила Ильинична ударилась в полнейшую мистику. Откуда она всё это взяла, боюсь даже представить; оказалось, она по собственной инициативе доследовала дело Хаткевича, уже когда официально его сдали в архив. И обнаружила что-то такое, во что сама вряд ли верила до конца.

Она говорила, что в местах, заселенных людьми, обитают некие сущности... или субстанции, или фантомы. Они рядом с нами, но мы их не видим, а они не видят нас. Но они нас ищут. Когда-то они были людьми, однако что-то изменилось для них в законах природы... или же сами они слишком грубо эти законы нарушили. Вот и превратились в невидимые и невидящие... пустые места. Но иногда мы можем столкнуться с ними в страшных снах – тогда они следуют за нами, ведь их терзает голод, а у нас есть то, чем этот голод утолить...

Извини, Женечка, кажется, я совсем тебя заболтала. Хорошо, что электричество включили. Не хотелось бы весь вечер просидеть в темноте...

•   ◦
    ■

Уйдя от Элеоноры Викторовны, девушка умудрилась растянуть трехминутный путь через двор до своего подъезда на полчаса. Она никак не могла собраться с мыслями. Ей трудно было представить, что бабушка работала следователем по особо важным делам. Оглядываясь назад, Женя признавала: да, бабушка

сохранила в себе много черт, свойственных людям, долгие годы прослужившим в органах охраны правопорядка – властная решительность, жесткость, пронизательность, умение видеть собеседника насквозь. Но это еще не всё.

За внешней твердостью скрывался страх – не просто за свою жизнь. Следователям нередко приходится опасаться, что один из посаженных в тюрьму преступников, выйдя на свободу, однажды выберет момент и отомстит. Страх, который бабушка никому и никогда не показывала, был совершенно другого рода. О своём последнем «клиенте» она знала что-то такое, что выводило его из ряда обычных бандитов. Может быть, следствие, которое вела бабушка, каким-то образом всё же нарушило планы Мясорубщика, и нарушило серьезно. И потом, после увольнения из прокуратуры, после переезда в этот район бабушка днем и ночью ждала, что Мясорубщик придет к ней.

Бабушкина тревога была настолько сильной, что однажды, когда ночью раздался звонок в дверь, она не выдержала и проговорила внучке, кто это мог быть. Женя, стоявшая посреди детской площадки, невольно попятилась, глядя на дверь подъезда. Неужели именно ОН тогда молча ждал на лестничной клетке???

Присев на каруселях, Женя механически достала сигарету и закурила. От шоссе Петля до Люберец – полтора часа пешком. При условии, что Мясорубщик оставался там и знал, где поселилась его главная противница (разгадавшая или почти разгадавшая его тайну), ему не составило бы труда навестить в этот район. И той ночью, когда Женины родители остались на переработку, он, кажется, именно это и сделал. Кем бы ни был Мясорубщик – человеком во плоти или, как выразилась Элеонора – «субстанцией» – он, вероятно, не способен выйти за определенный ему ареал активности. Люберцы. Город, где совершались зверские убийства, сопровождавшиеся явлениями аномального порядка. Люберцы и ближайшая к ним местность. Именно рядом с Люберцами милиция задержала профессора Хаткевича, который:

А. Имел при себе старую книгу «О природе каннибализма»; Б. Нёс бессвязную чушь о живых мертвецах и о ком-то, кто готовит себе пищу и не терпит при этом помех; В. Сошел с ума от страха.

Дома Женя долго не решалась снять куртку и сбросить туфли. Где-то глубоко в подсознании зрело ощущение, что рядом происходит ЧТО-ТО УЖАСНОЕ, как тогда, в ее детском кошмаре. Ей казалось – переодевшись в домашнее, она станет чересчур уязвимой. Длинный теплый халат помешает ей бежать, если возникнет необходимость в бегстве. Промедлив достаточно, чтобы устать стоять в прихожей, девушка прошла в бабушкину – «маленькую» – комнату. Она редко заходила сюда – только подметала пол и вытирала пыль. Жене не требовалось слишком много жизненного пространства, к тому же, здесь ей всегда становилось не по себе, словно вот-вот откроется дверь, и войдет бабушка. В комнате почти ничего не изменилось за три года – с того дня, когда рухнувший поперек улицы подъемный кран раздавил Жениных родителей; бабушка умерла двумя неделями раньше.

- Надеюсь, бабуль, ты не будешь сильно против, - пробормотала Женя, открывая книжный шкаф. Здесь бабушка хранила какие-то документы, вроде личного архива. Полки шкафа были плотно уставлены старыми книгами. В последний раз Женя открывала его, еще когда училась в десятом классе – ей срочно понадобилось найти какой-то роман Шолохова, и бабушка сказала, что у нее должен быть. Верхняя полка имела дополнительное отделение сбоку; там лежала не толстая стопка тетрадей. Женя осторожно достала их и перенесла на тахту.

Просматривая тетради, она убедилась, что это были планы и конспекты лекций по криминалистике. - Ничего интересного, - с некоторым разочарованием подумала Женя, открывая последнюю тетрадь, и тут же поняла, что держит в руках бабушкин дневник. Вернее, не совсем дневник, скорее, журнал. Записи были не датированы, лишь на обложке выведено крупными цифрами «1981».

Первые же строки как-будто вернули девушку обратно на кухню Элеоноры Викторовны, только теперь с ними рядом стояла покойная бабушка, дополнявшая рассказ ей одной известными деталями.

«Кто такой Раскроев?

Точно не установлено, был ли именно он Мясорубщиком. Однако я потратила достаточно много времени, копаясь в его прошлом, и могу лишь сказать, кем он не был. Он не был нормальным человеком. Я вычислила эпизод, когда он впервые проявил свою ненормальность – это случилось еще в школе. На уроке труда одноклассник Раскроева по неосторожности отсёк себе палец; пострадавшего перевязали и вызвали «скорую помощь», однако отсеченный палец найти ТАК И НЕ УДАЛОСЬ. Учитель труда видел, как Раскроев подобрал его, высочил в коридор и съел. Прожевал и проглотил так быстро, что трудовик не успел ничего сделать. Единственный, кто узнал об этом – директор школы, но он, понимая, какие последствия повлечет за собой огласка, вступил в преступный сговор молчания с учителем труда.

Согласно воспоминаниям школьных учителей, Раскроев был гиперсенситивен. Мне рассказали, что в седьмом классе погибла девочка, сидевшая с ним за одной партой, и он первый откуда-то знал, что она утонула – причем, в тот момент об этом не знали даже её родители».

В следующей записи бабушка ушла в сторону от темы Раскроева.

«Незрячие, о которых пишет Шв-п – вовсе не племя дикарей-каннибалов. Это – обособленные в пространстве и времени (посмертно) личности, чье состояние вызвано ошибками в некоем ритуале,

включающем в себя поедание человеческих органов».

Женя несколько раз перечитала этот абзац. Всё-таки бабушка даже наедине с собственным журналом-дневником упорно не желала изъясняться напрямик. Написанное далее привело Женю в полное недоумение.

«Под большим секретом и буквально на полминуты, мне показали выдержку из внутреннего циркуляра КГБ. Это ни много ни мало ориентировка на «имитированных людей». Там указывается: могут иметь при себе удостоверения личности, соответствующие стандартному образцу, но слишком новые; при этом номер удостоверения, одна из аббревиатур и т.д. обязательно содержат посторонний символ или дробную цифру. Ни одна организация выдачу такого удостоверения не подтвердит.

Неизвестные науке силы вселенной при определенных обстоятельствах создают и внедряют в мир «свои варианты людей». Либо путём «прямого копирования» - замена человека его точной копией (предшествует уничтожение оригинала), либо - генерацией абсолютно нового существа. Для второго случая характерна полная невозможность отследить какую-либо биографию субъекта.

Как «имитированные люди», классифицированы некоторые серийные убийцы, маньяки-некрофилы, людоеды».

Последнее предложение дважды подчеркнуто.

Опять о Раскроеве.

«Я считаю, что выход патологии Раскроева на пиковую стадию совпал во времени с призывом в вооруженные силы, причем знаковая перемена наступила в те несколько дней, когда Раскроев вместе с другими призывниками направлялся к месту службы.

Из-за технической неполадки поезд задержался в пути, точное место стоянки - станция Почаево. Это малонаселенный район; живут здесь только сотрудники станции и их семьи. Далее в радиусе восьмидесяти-ста (по примерным оценкам) километров в лесах можно не встретить ни одного человека. В Почаево произошел инцидент, впоследствии скрытый командованием в/ч: один из призывников пропал из поезда и отсутствовал почти трое суток. Это был Раскроев. Он вернулся буквально за час до отхода поезда. Из его объяснений следовало, что он заблудился в лесу, отойдя от станции на совсем небольшое расстояние. Возможно, это совпадение, но в книге Шварцкапа Почаево указано как место, где были встречены Незрячие.

По прибытии в часть сопровождающий офицер доложил о случившемся, но Раскроев в дальнейшем нареканий не вызывал, и самовольная отлучка осталась без последствий. Выяснить подробности службы Раскроева мне не удалось, за исключением того, что он быстро получил звание сержанта за успехи в боевой подготовке. Какие именно обстоятельства предшествовали событиям на маневрах, мне также неизвестно. (Не слишком ли часто с именем Раскроева связаны замалчивания и сокрытие фактов?)».

«По результатам беседы с комчасти.

Явно что-то не договаривает.

Через знакомых вышла на офицера особого отдела, возглавлявшего расследование. Он согласился встретиться со мной при условии, что его показания не пойдут в дело. С его слов экипаж, в который входил Раскроев, открыл огонь на поражение по другим танкам. Это объясняет возникшую на полигоне сумятицу, неявно, но отраженную в следственных документах. После первых залпов вряд ли вообще кто-то понял, что творится. И только через минуту или две, из штаба отдали команду стрелять по машине Раскроева. Особист непроизвольно делает акцент на фамилии Раскроева, словно именно он записан в виновники. Но тут всё не так просто. Раскроев был всего лишь механик-водитель, он не мог одновременно вести танк и при этом стрелять. Вывод: Раскроева ликвидировали по заранее разработанному плану, причем - пожертвовав остальными членами экипажа».

Женя растерянно опустила тетрадь на колени. Раскроев. Почему его решили убить, причем способом, не оставляющим шансов на выживание - взорвав танк? Какая информация о нем разошлась по закрытым каналам спецслужб? Чем вызван резкий отказ бабушкиных начальников разрешить отдельное расследование по Раскроеву?

Когда этот человек был заявлен главным подозреваемым в люберецких убийствах, никто не возражал. Были уверены, что всё равно его не найдут, и поэтому не беспокоились? Повод для беспокойства мог появиться в случае, если бы кто-то начал разбираться с Раскроевым подробно и безотносительно актов каннибализма в промзоне. Тем более, если следователь, взявший на себя эту задачу, осознает, в ЧЕМ ИМЕННО должен разобраться, а бабушка наверняка дала понять, что уж она-то осознает это четко.

Тетрадь чуть не соскользнула на пол, Женя едва успела подхватить ее - откуда-то из середины выпал листок бумаги. Подняв его, девушка решила, что это одна из тех ксерокопий, которые Элеонора Викторовна делала для бабушки. Текст был набран крупным, явно не современным шрифтом и пестрел «ятями».

«...и печень, равно как селезенка и большинство органов, в животе расположенных, черпают жизненное

начало из Первоисточника. Они – Носящие Жизнь. Вынутые из тела, выпаренные и прогретые в течение Особого времени, они очищаются от грязи телесной, и жизнь первоисточная, что в них содержится, войдет в поглотившего их беспрепятственно и мгновенно; к годам его прибавится вчетверо, ибо то – Чистое начало. Но следует блюсти осторожность, пока приготовление не завершено и готовое не съедено. Оболочка органа истончается, и Жизненное неустойчиво в нем, может наружу выплеснуться и уйти, как из пробитого шара воздух. А может и обратно вернуться, туда, откуда орган Носящий отделен был».

Если это отрывок из книги «О природе каннибализма», барон Шварцкап излагал свои мысли вычурным, утрированно-архаичным языком, напуская слишком много таинственности. Жене хотелось надеяться, что напечатанные с большой буквы определения (Жизненное. Орган Носящий) призваны скрыть ту печальную истину, что результаты исследований барона больше надуманы, чем основаны на реальных фактах. Но почему-то от прочитанного у Жени зашевелились волосы на голове.

Каким-то образом снятый на ксероксе текст перекликался с сегодняшним днем.

Женя посмотрела на часы – кстати, день уже почти закончился. Завтра ей присматривать за младшими Павлишинами, изредка всерьез жалея о том, что она не может своими руками сдать их в интернат для трудных детей.

Она долго не могла заснуть. Ей казалось, что она слышит какие-то звуки, не то из-за двери, не то из-за стены. Потом усталость всё же взяла своё, и Женя забылась некрепким, тревожным сном.

•   ◦
    ■

Во сне она видела площадку перед дверями своей и Ксюхиной квартир. Но самой Жени на площадке нет – она спит в своей постели. За дверью Коваленко царит безмолвие. Но Женя точно знает – Ксюха там, у себя. Вопрос – одна ли?

Нет, Ксюха не одна. Этот человек в серой кепке – он вместе с Ксюхой. И они провели наедине двое суток. Чем занимались? Вульгарный и совершенно простой ответ кажется вопиюще неверным – какая-то чужая атмосфера повисла над площадкой. Не похоже, что у Коваленко веселье и развлечения.

Воображение подсказывает возможные сцены в квартире. Может быть, Ксюха пытается разговаривать с новым знакомым. Она щебечет всякие глупости, задает дурацкие вопросы... он не реагирует. Он просто молчит и смотрит на Ксюху. Для него она всего лишь глупая женщина, готовая впустить к себе в дом... постороннего. Но, ведь так не могло продолжаться два дня и две ночи. Даже бывшая ресторанный певичка, при всей своей недалекости, должна была в конце концов заметить: новый знакомый ведет себя не так, как положено. Так что к этому моменту события уже приняли другой оборот. Какой именно? Может быть, Ксюха просто психанула, может быть... догадалась, что обращается не к человеку... что тот, с кем она пытается разговаривать, не слушает ее... а просто ждёт.

В квартире Коваленко раздаётся звонок. Он глухим эхом разносится по углам, разбивая на осколки мёртвую тишину. Но эхо смолкает, и тишина вновь собирается в единое целое... Женя открыла глаза и с ужасом поняла – в ЕЁ дверь звонят уже не первый раз. Она отбросила одеяло, медленно поднялась на ноги. На цыпочках, осторожно обходя скрипящие паркетины и ступая лишь на те, что не отзывались писклявым протестующим звуком (характер своего паркета Женя знала наизусть), она вышла в прихожую. Дыхание в груди замерло само собой. Прильнула к глазку.

На площадке стояла Ксюха. В тот момент, когда Женя разглядела ее, она находилась у противоположной – дальней – квартиры, но, словно зная, что соседка проснулась и смотрит на нее в глазок, вдруг в три быстрых шага оказалась прямо перед Жениной дверью.

- Ксю... Ксюха... - пролепетала Женя. Но горло ее наотрез отказалось воспроизводить звуки, и она сама не услышала своего голоса.

- Женька, - сказала Ксюха.

Женя едва не закричала. Ксюха ЗНАЕТ, что она ее видит. Но, ведь она подошла так ТИХО!

Не в силах оторваться от глазка, не в состоянии сделать ни единого движения, девушка была уже невольным наблюдателем. Ксюха, не торопясь, наклонилась – глазок был врезан на высоте чуть больше метра – и линзу словно накрыла черная дыра. Это был Ксюхин рот – она ведь всегда говорила «в глазок», касаясь его губами.

Она всегда так делала. Но... Женя была уверена – за дверью стоит какая-то другая Ксюха. С ней что-то произошло за то время, что она провела в своей квартире с тем человеком. Ксюхе нельзя открывать. Что-то запредельное, несущее с собой смерть... находится рядом с ней. Может быть, это Он, тот человек в надвинутой на глаза кепке – отправил ее, чтобы выманить Женю из квартиры.

Где-то в обшивке двери есть щель. Это совершенно точно. Ксюха обращается к Жене, и свистящий шепот ледяным потоком просачивается в прихожую.

- Женька,пусти меня. Ты же слышишь.пусти меня, Женька. Мне надо где-то пересидеть ночь. Потом

меня заберут. Я должна пересидеть ночь.

Чёрная дыра смыкается, отдаляется от линзы глазка. Женя снова отчетливо видит Ксюху. Она стоит неподвижно, пристально глядя на Женину дверь. Глаза Ксюхи тускло мерцают в свете лампы на потолке.

- Уходи, Ксюха, - прошептала Женя.

Преодолев оцепенение, она повернулась, и, также на цыпочках, пошла в комнату. Села на кровать и закуталась в одеяло. Ее трясло от страха, а в голове еще слышались Ксюхины слова: «Мне надо пересидеть ночь. Потом меня заберут».

В этих фразах – какое-то послание, подумала Женя. В другой ситуации они звучали бы совсем иначе. Но сейчас – ночью, произнесенные странной, словно чужой, женщиной на лестничной площадке – они обрели зловещий смысл.

Что-то ударило об оконное стекло. Женя подскочила, ее расширенные от испуга глаза метнулись к окну. Она не сомневалась, что сейчас увидит Ксюху. Ксюха прошла по карнизу и теперь стоит за ее окном, вода пальцами по стеклу. Но та Ксюха, которую знала Женя, ни за что не пошла бы по карнизу. Да и пройти там нереально – слишком узко. За окном никого не было. Никого и ничего – только чернильная ночная тьма, скудно разбавленная светом уличных фонарей. Женя коснулась прохладного стекла горячим лбом, задержалась, слушая, как колотится сердце. Стекло замутнело от дыхания. ЗАПОТЕЛО.

Не веря собственной догадке, Женя отшатнулась от окна. Ксюха говорила с ней, и рот ее накрывал глазок. Но глазок НЕ ЗАПОТЕЛ.

С этой деталью послание расшифровывалось легко, четко и... и настолько понятно, что кровь стыла в жилах.

Ксюха разговаривала, НЕ ДЫША. Вот почему ее шипение в глазок напоминало шелест прорезиненного плаща. Словно кто-то медленно дул в пластмассовую трубку. Но живой человек не может говорить, не дыша. По крайней мере, Ксюхе это точно не пришло бы в голову.

Она вышла на лестничную площадку мёртвая.

Остаток ночи Женя провела, забившись в самый дальний от окна угол, за кроватью, сидя на корточках и сжимая в руках молоток. Как будто он мог чем-то помочь, если бы мёртвая Ксюха сама или при помощи человека с мраморными глазами открыла ее дверь и вошла в квартиру...

А потом наступил рассвет, и ночная жуть начала, как обычно, уходить, рассеиваться. Но Женя понимала: ее страшное видение не было просто ночной галлюцинацией, плодом не в меру разыгравшейся от чтения бабушкиного журнала фантазии. Ксюха Коваленко на самом деле разговаривала с ней, касаясь губами дверного глазка.

Женя не видела и не слышала, как Ксюха, подождав еще немного на площадке, зашла к себе. Но там она провела не больше минуты или двух. Вскоре она вновь покинула свою квартиру и медленно, словно нащупывая ногами ступеньки, пошла вниз по лестнице. Если бы кто-нибудь в этот момент двигался навстречу и взглянул ей в лицо... смерть от разрыва сердца была бы для этого человека лучшим выходом. Всё что угодно лучше, чем всю оставшуюся жизнь помнить увиденное и знать, что однажды, войдя поздней ночью в свой подъезд, ты разминулся с трупом. Обостренный слух сжавшейся в комочек Жени уловил лишь глухое поцокивание каблуков-шпилек, когда Ксюха спускалась к первому этажу. Но Женя даже не обратила на это внимания.

...Пора было собираться на работу. По-прежнему леденя от страха и впадая в панику при мысли о том, что скоро придется выйти на лестничную клетку, Женя через силу умылась, почистила зубы. Выпила кофе и докурила оставшиеся сигареты. Она уже здорово опаздывала, но сейчас это просто не имело для нее значения. Прочитав придуманную на ходу молитву:

- Господи, боже, избавь меня увидеть то, что видеть мне не положено, ибо я слабый человек» - Женя собралась с духом и выглянула наружу.

Но там не было абсолютно ничего интересного. Или страшного. Поворачивая ключ в замке, Женя искоса глянула на обитую коричневым кожзамнителем Ксюхину дверь, которая была плотно закрыта, но заперта или нет – так не скажешь, а проверять Женя, естественно, не решилась. И только на первом лестничном марше она увидела один из тех следов ночного кошмара, который не рассеялся и не растворился с наступлением утра.

На ступеньках виднелись пятна накапавшей, уже свернувшейся крови.

Держась за перила, Женя вышла на улицу, надеясь на то, что встретит по дороге живую Ксюху, и та попросит у нее денег на пиво. Это будет лучшим и единственным доказательством того, что в фазе кошмара Женин мозг не перехватывал образы из реального времени, а просто их порождал внутри себя.

Но Ксюху встретили несколько раньше, и совсем другие люди. Когда Женя завернула за угол ближайшего к автобусной остановке дома, навстречу ей медленно выехала милицейская машина...

Вечером к Жене пришел участковый инспектор, которого она раньше не видела; вместе с ним был мужчина, предъявивший удостоверение следователя. От них Женя узнала, что в пять утра ее соседку («Когда вы видели ее в последний раз, она показалась вам... нормальной?») заметил патруль из местного отделения. Ксюха медленно брела вдоль задней стены расселенного дома, неуверенной походкой, сильно шатаясь. Ее приняли за пьяную и остановили для проверки документов; впрочем, Ксюха на голос не среагировала, и пришлось ее взять за локоть. Ее остекленевшие, пустые глаза смотрели в куда-то в одну точку, мимо патрульных. В лучах восходящего солнца лицо Ксюхи быстро становилось мертвенно-синим. Она покачнулась и упала, ударившись головой о низкую железную ограду. Пока один из патрулей вызывал по радиации «скорую помощь», второй обнаружил, что тело Ксюхи полностью остыло, а пульс не прощупывается, зато на коже отчетливо видны трупные пятна. Прибывшая бригада «скорой» констатировала смерть, наступившую не менее трёх часов назад. У патрульных возникли серьезные проблемы с объяснением того факта, что они обратились с просьбой предъявить паспорт к МЁРТВОЙ женщине, причем умершей где-то в другом месте, не там, за расселенным домом. Обоих временно отстранили от работы, но вскоре нашлись и другие свидетели, видевшие Коваленко идущей куда-то задворками за несколько минут до поступления на пульт диспетчера «скорой помощи» вызова.

Женя подозревала, что именно случилось с Ксюхой, но ей не с кем было поделиться своими подозрениями.

Мясорубщик сделал Ксюху донором. Выпотрошив несчастную женщину, он - на ее кухне, в ее посуде, на ее плите - приступил к готовке. В эти минуты Ксюха уже умирала, но случилось непредвиденное - поломка на подстанции. Прервалась подача электричества. А у Ксюхи - наверное, у единственной в квартале - электрическая плита вместо газовой. Конфорки остыли, и процесс извлечения жизненного начала был нарушен и пошел в обратном направлении. Вытянутая из Ксюхиного тела энергия устремилась назад. Но умирающее тело было уже не способно нормально принять и использовать ее. В результате Ксюха ненадолго обрела способность двигаться, и даже ее мозг - лишенный кислородного притока, но «включившийся» от притока энергетического - какое-то время еще выполнял свои функции. Это была, конечно, уже не жизнь - это был короткий отпуск с того света. (Однажды, такое уже случилось - там, в Люберцах. Окно кухни, в которой Мясорубщик готовил своё адское блюдо, было открыто, и задувший ветер погасил огонь на плите. Ведь запах жареного мяса в квартире перемешался с запахом газа, словно где-то была утечка). Ксюха, наверное, осознавала, что с ней произошло. И - почти наверняка - ей было страшно и одиноко. Вот почему она вышла на лестничную площадку и позвонила в дверь соседки, просила ее впустить.

Но Женя не могла выполнить ее просьбу.

Тогда Ксюха - выпотрошенная, с искромсанным животом, никому больше не нужная - словно поломанная кукла - в конце концов отправилась на улицу, а на ступеньки лестницы из-под ее пошловато-яркой кофточки сочилась кровь.

...Женя не решилась пойти на похороны. Она боялась, что увидит растерзанный живот покойницы. Правда, Ксюхина соседка снизу - пенсионерка, собиравшая деньги на венки - уверяла, что гроб закроют. Она же сказала Жене, что Ксюха, должно быть, предчувствовала, что с ней случится беда. В последние ночи она громко кричала во сне. Когда соседка, встретив Ксюху на улице, спросила, всё ли у нее в порядке, та вяло отмахнулась и объяснила, что ей снятся кошмары.

А еще девушка боялась, что среди провожающих окажется человек с белыми, как мрамор, глазами под козырьком низко надвинутой кепке. Или, что еще страшнее - она заметит его где-нибудь в стороне, между могилами. - Впрочем, сейчас он, наверное, поблизости, - думала Женя, глядя вечером в окно. - Ведь у него так ничего и не получилось... Что бы ни привело его в этот район, именно здесь он нашел очередную жертву. Сейчас, он затаился - в одной из квартир расселенной пятиэтажки или в глубине разросшихся кустов. Ждёт нового донора.

Женя хотела выпить на ночь снотворное, но за ним надо было идти в аптеку. Да и утром она может проспать.

После всех пережитых страхов фаза кошмара наступит очень быстро. Накрывшись с головой одеялом, Женя долго молилась - как умела, своими словами, много раз повторяя одну и ту же фразу:

«Боже, всемогущий Господи, если во сне я увижу Его - сделай так, чтобы я успела отвернуться».==
Читать ещё ==

- [Рабский менталитет](#)

Читать ещё

- [Анимешник](#)